

КАТЕГОРИИ
НАРОДНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ
В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МЫСЛИ

(эскиз)

CATEGORIES
OF NATIONALITY AND IDENTITY
IN RUSSIAN AND POLISH THOUGHT

(sketch)

Аннотация. Рассматривается концепция народности и русского национального духа от философии XIX в. до современного словоупотребления. Предлагается четко разграничивать в речевой практике тавтологические с этимологической точки зрения наименования «русский» и «россиянин».

Ключевые слова: национальный вопрос; русскость; народность; почвенничество; европейский романтизм.

Abstract. The idea of nationality and Russian national spirit from the philosophy of the XIX century until present-day usage is revealed. The author suggests distinguishing in speech between tautological from the etymological point of view words «Russkij» and «Rossiyanin».

Key words: question of nationality, «russkost'», nationality, «pochvennichestvo», European romanticism.

Сведения об авторе: Анджей де Лазари, заведующий кафедрой Центральной и Восточной Европы, Институт международных отношений.

Место работы: Лодзинский университет.

Контактная информация: ul. Narutowicza 65, 90-131, Łódź.

e-mail: alazari@toya.net.pl.

About the author: Andrzej de Lazari, Head of the Chair of Central and Eastern Europe, Institute of Intercultural relations.

Place of employment: University of Lodz.

Версия доклада, прочитанного на конференции «PHILOSOPHIE DE L'HISTOIRE DES XIXe ET XXe SIÈCLES POLOGNE — RUSSIE — EUROPE», Université Nancy 2, 15—16 ноября 2010 г.

«Национальный вопрос для многих народов есть вопрос об их существовании. В России такого вопроса быть не может. Тысячелетнюю историческую работу создалась Россия, как единая, независимая и великая держава. Это есть дело сделанное, никакому вопросу не подлежащее. Но чем прочнее существует Россия, тем настоятельнее является вопрос: для чего и во имя чего она существует? Дело не идет о материальном факте, а об идеальной цели. Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о **достойном существовании**» [Соловьев 1891: V].

Казалось, что эта мысль Владимира Соловьева должна была бы раз и навсегда направить русское мировоззрение на скептическую трактовку *этничности* категорий *народа* и *народности*. Россия ведь была и является страной многоэтничной, многокультурной, и нет в ней возможности осуществить ни уваровского «триединства» *православия, самодержавия, народности*, ни другого концепта всеединения, основанного на какой-нибудь коллективистической категории (например, «многонационального народа» из российской конституции или «российской нации», задуманной в последнее время группой интеллектуалов Кремля [см. Российская нация]).

Важнейшей ценностью современного цивилизованного мира стал конкретный человек-гражданин со всеми своими пороками, достоинствами, болячками и коварством, а важнейшим институтом, регулирующим межчеловеческие отношения, стало **право**. Не важен цвет твоей кожи, твоя национальность, общественная при-

надлежность, сексуальная ориентация, имущество, вероисповедание — существенно лишь то, поступаешь ли ты согласно праву, установленному общностью, к которой принадлежишь. Факт несколько парадоксальный, но в Евросоюзе демократическое право заменило Церковь в осуществлении человеческой мечты — Соборности. Вместо того, чтобы искать единого Бога, мы нашли единое право. Благодаря ему в Европе создается рациональная действительность, в которой полифония культур не только возможна — она становится насущной необходимостью, соответствующей основополагающим принципам. «Инаковость», *одобряющая право*, стала ценностью на уровне «нашеести», ее уважают, ценят, иногда даже излишне и неуместно.

Исходя из таких «гражданских», «европейских» предпосылок, я горжусь определением «народа» в преамбуле польской Конституции: «мы, **Польский Народ — все граждане** Речи Посполитой», т. е. каждый из нас отдельно, независимо от этничности, вероисповедования и общественного статуса. И я критически отношусь к формулировке преамбулы российской Конституции «Мы, **многонациональный народ** Российской Федерации», в которой место гражданина занял «многонациональный народ» — субъект, у которого по определению не может быть правоспособности.

Другое дело, что в нашей Конституции еще более удовлетворяло бы меня выражение «**мы — все граждане** Речи Посполитой». Категорию «народа» принес нам романтизм, и она для юридического права малопригодна. Думаю, что многонациональные жители США, начиная

преамбулу своей Конституции словами “We, the people of the United States”, ни о каком «народе» не думали. Создатели этой Конституции (1787 г.) были мыслителями Просвещения, и ценностью для них являлся «гражданин» (в духе Французской революции, хотя не один из них был владельцем рабов), а не романтический этнический «народ», о котором тогда еще не задумывались, так как он определился в культурах Европы в качестве «субъекта» спустя несколько десятилетий лет [см. de Lazari 2009].

Что такое народность? ^[1] «Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, „образованные“, уж и не русский народ?» — спрашивал Федор Достоевский, определяя направление своего журнала «Время» в 1861 г. [Достоевский XIX: 14].

Понять эти слова человеку из другой эпохи и другой культуры — задача непростая, да и мало кто из современных русских россиян, думаю, успешно справится с ней. Правда, в словаре Владимира Даля, вышедшем, когда эти слова только прозвучали, появилась *народность* (истолкованная как «совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого»), наряду со словами *простонародность* и *национальность* (последнее объясненное как синоним *народности*). Однако эти толкования совершенно не передают во всей полноте особенности употребления данных понятий в русской мысли того и тем более нынешнего времени. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что организаторы симпозиума достоевсковедов, который состоялся в августе текущего года в Неаполе, заявляя среди других тему «Достоевский и поэтика *народности*», на английском языке передали ее как «Dostoevsky and the Poetics of *narodnost*», не рискуя подобрать эквивалент слову *народность* в англоязычных культурах.

Категорию *народности* принес русской мысли, конечно, западный романтизм. Представление о *народе* как об исторической, а не только политической общности нашло выражение в «Идеях к философии истории» (1784—1791) Иоганна Гердера. Немецкий философ первым подошел к народу как к коллективному «организму». Отвергнув просвещенческую идею единообразия законов, управляющих жизнью и прогрессом, он обратил внимание на разнообразие жизненных проявлений и, не отказываясь от категории человечества, узаконил в качестве ее составной части категорию народа и его «духа» [Szacki 1981]. Когда впоследствии Иоганн Фихте в «Речах к немецкой нации» (1808) увидел в национальном сообществе основную движущую силу истории и одновременно выдвинул концепцию «избранного народа», который на данном историческом этапе лучше других реализует универсальные ценности, путь к новой категории, каковой для романтизма стала

народность, а затем и для споров, какой народ лучше выражает смысл истории, был открыт.

Принято считать, что в истории русской мысли термин *народность* первый раз появился в письме Петра Вяземского к Александру Тургеневу из Варшавы от 22 ноября 1819 г. [Зельдович, Лившиц 1964: 111]. В Польше в то время термин *narodowość* был уже широко распространен, хотя интерпретировался неоднозначно [см. Zieliński 1969: 18; Walicki 2009: 228—262]. Вяземский отдавал себе отчет и в многозначности соответствующего русского понятия. В 1824 г. он писал, что слово *народный* соответствует французским словам *populaire* и *national*: выражение *народные песни* переводится как *chanson populaire*, а народный дух — как *esprit nationa* [см. Jakóbiec 1963: 14].

Употребляя современный польский язык, Вяземский мог бы сказать так: слово *народный* **соответствует польским словам *ludowy* и *narodowy***: выражение *народные песни* переводится как *pieśni ludowe*, а народный дух — как *duch narodowy*.

Наличие в польском языке разных слов способствует выявлению смысловых различий между соответствующими категориями, а в русском, если намеренно не противопоставить словам *народ*, *народный*, *народность* слов *просто-народье*, *простонародный*, *простонародность* или *нация*, *национальный*, *национальность*, часто сложно понять, о чем идет речь.

Стоит, однако, отметить, что, согласно исследованию Франтишка Пепловского, в польской публицистике периода Просвещения и романтизма понятие *ludowość* почти не проявлялось. Единственный случай употребления этого понятия Пепловски нашел у Эдварда Дембовского, в его «Нескольких мыслях на взгляд о развитии истории и общественной жизни поляков» («Kilka myśli we względzie rozwijania się dziejów i życia społecznego Polaków», 1843). Это, конечно, не может свидетельствовать о присутствии категории *ludowość* в тогдашней польской мысли [Pełowski 1961: 125, 164]. Можно ли в таком случае предполагать, чтобы русская мысль, как считают многие польские русисты, уже в 20-е гг. XIX в. занималась «вопросом *ludowości*» [см., напр., Mucha 1981: 97]?

В начале XIX в. понятия *народ* и *нация* в России были тождественны, что вовсе не означает отождествления нации с *просто-народьем*. Рискну предположить, что в русском общественном сознании тех лет понятия *народа* в значении *просто-народья* еще не было: существовал единый русский народ/нация, тесно связанный с русским государством. *Простонародье* еще не стало историческофской категорией, *простой народ* не мог быть выразителем *народного духа*.

Подход к народу и народности как государственно-культурным категориям наиболее отчетливо выражен в «Истории государства российского» (1816—1824) Николая Карамзина. Вершиной же этого подхода можно считать

теорию «официальной народности» 1832 г., выражавшуюся в триединой формуле: *право-славие, самодержавие, народность*. Министр просвещения, Сергей Уваров, понимал под *народностью* однородное национальное государство, которое он хотел отождествить со всеми подданными русского царя. Нельзя не согласиться с Мечиславом Шерером, писавшим: «Правящие круги — видя цену сплоченности, которую дает государству национальное единство, и опасность разобщенности, которая грозит многонациональному государству, раздираемому в разные стороны, — использовали все средства, включая самые жестокие и коварные, чтобы духовно нивелировать своих подданных. Методы этой денационализации нам хорошо известны. Члены государства должны были любой ценой принадлежать к одной национальности: если они изначально к ней не относились, их механически (а значит, безуспешно) в нее втискивали: *cuius regio, illius natio...*» [Szerer 1922: 77—78].

Прав и современный российский историк, который связывает появление уваровской формулы с польским восстанием 1830—1831 гг. и с донесениями царских чиновников о влиянии католической церкви и польской культуры на национальное сознание жителей «Западного края» [Казаков 1989: 5—41]. На открытии в 1837 г. в Киеве университета Св. Владимира (созданного взамен ликвидированного польского Виленского университета), Уваров заявил, что задача этого учебного заведения состоит в том, чтобы «распространять русское образование и русскую народность в ополченном крае Западной России». Формула Уварова должна была способствовать полной русификации всех жителей империи и была своеобразной «гражданской» модификацией известного военного девиза *За веру, царя и отечество*.

В 1843 г. в отчете о своей десятилетней государственной деятельности Уваров писал: «Слово *народность* возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утверждение, что министерство считало Россию возмужалою и достойною идти не позади, а по крайней мере рядом с прочими европейскими национальностями». Далее, говоря об ассимиляции и русификации крестьян в «Западной России», он призывал к тому, чтобы «развить русскую национальность, на истинных ее началах, и тем поставить ее центром государственного быта» [Казаков 1989: 28; ср.: Гулыга 1995: 43—69].

Но это — официальная версия. Для русских мыслителей 1820—1830-х гг. главной проблемой было определение «народной самобытности», что выразилось прежде всего в дискуссии о *народности* литературы. Пушкин, пытаясь объяснить, что в его понимании значит *народность*, писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований,

есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Казаков 1989: 39—40].

Только на рубеже тридцатых и сороковых годов в кругу славянофилов появляется укоренившееся в сознании русской интеллигенции представление о *простом народе* как носителе русской культуры и *народности*. Идея состояла в том, что русское крестьянство лучше всего выражает «русский дух», в отличие от «нерусской», европеизированной, «оторванной от почвы» интеллигенции, которая, утратив *народность*, не может выражать ничего русского. Таким образом, слово *народность* в интерпретации славянофилов приобрело новое значение. Для них русская интеллигенция перестала быть русским народом, право носить такое звание сохранил только *простой народ*. *Простой народ* становится в данной концепции самостоятельной историософской категорией. Константин Аксаков даже ставит знак равенства между понятиями *народ* и *простой народ*: «простой народ точно, есть ПРОСТО НАРОД, или народ собственно» [Аксаков 1857].

Достоевский, Аполлон Григорьев и другие мыслители почвеннического толка в шестидесятые годы выступили против такого отождествления *народности* и *простонародности* (фольклорности). Александр Милюков, отстаивая *народный характер* творчества Пушкина, доказывал, что *народность* поэта не заключается в его популярности у народных масс [Милюков 1860: 11]. В это же время Достоевский поставил упомянутый вопрос: «Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, „образованные“, уж и не русский народ?» [Достоевский X: 14]. В конце же столетия последний почвенник XIX в., Николай Страхов, уверял: «...начало народности имеет силу главным образом, как поправка и *дополнение идеи государства* <...>, что наилучший порядок тот, когда пределы государства совпадают с *пределами отдельного народа*» [Страхов 1897: 188]. Получается, что Страхов в определенном смысле вернулся к «официальной народности»; это также предвещает идею *российской нации*, провозглашаемую сегодня некоторыми российскими идеологами.

***

Во второй половине XIX в. ссылки на народность все чаще рассматривались русской мыслью как символ консерватизма и реакционности. И это вполне понятно: к этим категориям апеллировали прежде всего защитники великодержавности. В эпоху романтизма борьба за народность воспринималась как борьба за независимую, самобытную культуру, и националистический элемент редко выдвигался на передний план. Совершенно иначе дело обстояло в эпоху, когда западный позитивизм отодвинул национальный вопрос на дальний план. В Рос-

сии, располагавшей независимой государственностью, акцентирование *народности* все чаще стало приобретать черты национализма и шовинизма. Кроме почвенников (во главе с Федором Достоевским), *народность* прославляли панслависты (во главе с Николаем Данилевским), а также другие мыслители-русофилы (во главе с Иваном Аксаковым), в мировоззрении которых еще сильны были *элементы романтизма*. Отвергали же *народность* те мыслители, во взглядах которых все более явственно проявлялись черты позитивизма. Для Максима Антоновича и других так называемых революционных демократов *народность* является ничего не значащей абстрактной фразой [см. Антонович 1984]. По мнению Николая Чернышевского, «толковать о народности едва ли не значит попусту тратить слова...» [Русские писатели о литературном труде: 265].

В конце века с экуменических позиций ценность рассматриваемой категории оспаривал Владимир Соловьев. Признавая значение *народности* в эпоху романтизма, применительно ко второй половине XIX в. он оценивал эту категорию однозначно негативно, поскольку, по его мнению, она ведет к распространению национального эгоизма — болезни чрезвычайно опасной для высшей в его понимании ценности — человечества [Соловьев 1891: 115]. Такая позиция Соловьева была следствием категорического неприятия им панславистской концепции Николая Данилевского, сформулированной в работе «Россия и Европа».

***

Из вышесказанного ясно, что категория *народности* в XIX в. отождествлялась в основном с *национальностью*, а более конкретно — просто с *русскостью* (ни в коем случае не с *российскостью* в современных представлениях).

Сегодняшнее литературоведение и эстетика в принципе обходят категорию *народности* стороной. В западных и в польских словарях литературных терминов такое понятие отсутствует. Тоталитарные концепции, требующие от содержания и формы произведений искусства соответствия «духу расы» или «духу национальной культуры», скомпрометированы в истории столь радикально, что любые новые попытки сделать искусство зависимым от *народности* наталкиваются в современных гуманитарных науках на решительный отпор. Искусство давно перешагнуло границы государств и народов и, надо надеяться, больше никогда не замкнется в этих границах.

Интересно, что в борющемся с национализмом коммунистическом СССР, в котором *классовость* должна была заменить *народность*, последняя все же поддерживалась идеологией и эстетикой (высшим проявлением *народности* якобы стала *партийность*) [см. Лазари 1993]. В сегодняшней России *народность* в основном «ушла в деревню» и стала синонимом *фольклорности*. В идеологии же и так называемой культу-

рологии ее место заняла категория *идентичности*. И, по-моему, как раз эту *этнокультурную идентичность* имели в виду Достоевский с Григорьевым, когда говорили о *народности*; думаю, сегодня они, как недавно Солженицын, были бы обеспокоены фактом, что *русскость* все больше растворяется в *российскости*.

Русскость и российскость. Отец украинец, мать корейка. Кто ты? — Сибиряк.

У поляков гораздо меньше проблем с «идентичностью», чем у россиян. Мы не спорим о флаге, гербе, гимне. Польские ученики в первом классе учат стихотворение: *Kto Ty jesteś? — Polak mały. // Jaki znak Twój? — Orzeł Biały. // Gdzie Ty mieszkasz? — Między swymi. // W jakim kraju? — W Polskiej Ziemi. // Czym ta ziemia? — Mą Ojczyzną. // Czym zdobyta? — Krwią i blizną. // Czy ją kochasz? — Kocham szczerze. // A w co wierzysz? — W Polskę [W Boga] wierzę.* (Władysław Bełza, 1847—1913. *Katechizm dziecka polskiego — Катехизис польского ребенка*).

Когда я спросил у своих русских коллег, есть ли у них такое «объединяющее» идентифицирующее произведение, ответ был неутешительный: «Ни в коем случае! Никаких стихотворений. Анджей, ты должен понять: у нас нет России как национального государства. У нас империя, и мы хотим, чтобы Россия такой была. В московских классах за партами сидит не более 40 % великороссов, остальные — это евреи, украинцы, татары, казахи, грузины, азербайджанцы и проч. НЕУДОБНО нам иметь такие стихи» (подробнее на эту тему см.: [de Lazari 2006]).

Другой мой корреспондент подсказал мне слова песни, которые, однако, можно отнести к каждой родине, не только к «русской/российской»: *С чего начинается Родина? // С картинки в твоем букваре, // С хороших и верных товарищей, // Живущих в соседнем дворе.*

Несколько «конкретнее» более раннее советское стихотворение: *Кремлевские звезды над нами горят, // Повсюду доходит их свет. // Хорошая Родина есть у ребят, // И лучше той Родины нет! <...> Наша Родина — Советский Союз* (Сергей Михалков).

Есть и более современное стихотворение Владимира Фирсова, впрочем, малоизвестное и однозначно «неполиткорректное» с точки зрения сегодняшней политической действительности: *Россия! Не искать иного слова! // Иной судьбы на целом свете нет. // Ты вся сплошное поле Куликово // На протяжении многих сотен лет. // Россия! Зарождалось это слово // В звучании разбуженных мечей, // В холстах голубоглазого Рублева // И в тишине предгрозовых ночей. // На поле боя вызревали розы, // На пепелищах пели топоры. // Мы все прощали, // Мы — великороссы.* (выделено мной — А. де Л.).

В России всегда существовали противоречивые взгляды на «идентичность»: официальное православие и старообрядцы, русские, со-

ветские, евразийцы и россияне, «многонациональный народ» и «российская нация»...

В Интернете я нахожу заметку Дмитрия Трещанина, озаглавленную «Россияне не хотят быть русскими», о том, что «подготовка к очередной всероссийской переписи началась со скандала. В Интернете набирает обороты пропагандистская кампания, суть которой — создание *внутри русского народа новых этносов и субэтносов*. Первыми за самоопределение высказались сибиряки — такую национальность в соответствующей графе переписного листа могут указать несколько миллионов человек» [Трещанин].

«Кто мы?», «Кто я?» — вот основные, все еще не решенные вопросы, стоящие перед жителями многоэтничной России. В Конституции идеальной была бы формулировка «Мы — граждане Российской Федерации», но пока это невозможно, так как слишком сильна в сознании россиян романтическая категория «народа/нации» и слишком слабо правовое сознание отдельной личности, конкретного «я — гражданина», который, наряду с прочим, осознавал бы себя русским, чеченским, калмыцким и т. д. россиянином.

Пока, к сожалению, сочетание «русский россиянин» странно звучит в России, и обеспокоенными кажутся опасения Солженицына: «Да быть ли нам русскими?». Двенадцать лет назад он забеспокоился: «Мы дожили до того, что словоупотребление „русский“ как бы — под моральным запретом, оно уже кажется дерзким вызовом: а что мы хотим этим „выразить“? от кого „отгородиться“? а как же, мол, остальные нации? Но остальные нации держатся за свои наименования увереннее нас. Сегодня — и особенно официально — пытаются внедрять термин „россияне“. Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая необходимому прилагательному „российский“. Однако слова этого не услышишь ни в каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно. Ни один не-русский гражданин России на вопрос „кто ты?“ не назовет себя „россиянином“, а с определенностью: я — татарин, я — калмык, я — чуваш, либо „я — русский“, если душой верно чувствует себя таковым. И в остатке — расплывчатое „россияне“ достаётся нам в удел разве что для официальных холодных обращений да взамен полного наименования гражданства. Но никогда нам не определиться и не понять самих себя, если примем негласный запрет называть себя „русскими“» («Россия в обвале», 1998).

Компромисс все-таки возможен, и я уверен, что через поколения два Россия настолько «европеизируется», что личность и гражданственность станут основными категориями правового сознания русских и всех других россиян, и ни один русский не постесняется сказать о себе: «Я русский россиянин».

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков К. С. Москва, 8 июня // Молва. 1857. № 9. С. 97—98. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_0050.shtml.
- Антонович М. А. О почве (Не в агрономическом смысле, а в духе «Времени») // Шестидесятники. — М., 1984. С. 35—53.
- Гулыга А. Русская идея и ее творцы. — М., 1995.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л., 1972—1990.
- Зельдович М., Лившиц Л. Русская литература XIX века. Хрестоматия критических материалов. — М., 1964.
- Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. — М., 1989. С. 5-41.
- Лазари А. Категория народности в советской идеологии и эстетике // А. Лазари. Наполеон или Чичиков? Из истории русского национализма. — СПб., 1993. С. 20—24.
- Милуков А. П. Крестовый поход наших передовых журналов на Пушкина // Светоч. 1860. № 8.
- Российская нация. URL: <http://www.rosnation.ru/>.
- Русские писатели о литературном труде. — Л., 1956. Т. 2. С. 265
- Соловьев В. С. Национальный вопрос в России : в 2т. — СПб., 1891 (первое издание — 1888 г.). Т. 1. С. V.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. — Киев, 1897. Т. 2. С. 188.
- Трещанин Д. Россияне не хотят быть русскими. Из великороссов выписываются «сибиряки», «залесцы», «ингерманландцы» и «дальневосточники». URL: <http://svpressa.ru/society/article/31063/>.
- Andrzej de Lazari. Polskie i rosyjskie „zaprogramowanie kulturowe” (szkic problemu) // Polacy i Rosjanie — przewyższanie uprzedzeń. — Łódź, 2006. С. 149—155.
- de Lazari A. ...świadomości współpracy ze wszystkimi krajami dla dobra Rodziny Ludzkiej, // Preambuła Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej // Trybunał Konstytucyjny. — Warszawa, 2009. С. 85—90.
- Jakóbiec M. U źródeł ludowości romantycznej niektórych literatur słowiańskich // Pamiętnik Słowiański. 1963. Т. 13.
- Mucha B. Studia nad życiem literackim w Rosji (lata 1801—1825). — Kraków, 1981.
- Pełowski F. Słownictwo i frazeologia polskiej publicystyki okresu Oświecenia i romantyzmu. — Warszawa, 1961. С. 125, 164.
- Szacki J. Historia myśli socjologicznej. — Warszawa, 1981. Т. 1. С. 142—146.
- Szerer M. Idea narodowa w socjologii i polityce. — Kraków, 1922.
- Walicki A. Kultura i myśl polska. Prace wybrane. Naród, nacjonalizm, patriotyzm. — Kraków, 2009. Т. 1.
- Zieliński A. Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815—1831. — Wrocław, 1969.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. Здесь я использую фрагменты моей книги в переводе М. В. Лескинен и Н. М. Филатовой: *А. де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. — М., 2004.